Письмо изъ Болгаріи

ПАѲОСЪ РАСКОЛА

Многое азбучно извѣстное изъ исторіи, становится до конца понятнымъ лишь черезъ непосредственное соприкосновеніе съ соотвѣтствующимъ народомъ. Лишь теперь, внимательно наблюдая политическую и общественную жизнь болгарскаго народа, начинаешь понимать ту психологическую почву, на которой могла вырости такимъ пышнымъ цвѣтомъ богомильская ересь...

Есть что то въ душевномъ складѣ болгаръ, что можно было бы назвать *пафосомъ раскола*. Изъ своихъ многочисленныхъ бесѣдъ съ "политическими" людьми — а здѣсь вѣдь всѣ политики! — я вынесъ впечатлѣніе, что страсти пробуждаются не тогда, когда человѣкъ исповѣдуетъ свое политическое "вѣрую", а когда доказывается ошибочность и вредоносность политическаго "кредо" противника. Тогда загорается "богомильскій" пламень въ очагахъ, тогда рѣчь блещетъ гнѣвомъ, сжимаются кулаки, напружинивается человѣкъ и чувствуешь, что еще немного — и идеологическое расхожденіе выразится въ дѣйствіяхъ.

Мы совершенно убѣждены, что безъ этой психологической особенности безъ этой политической впечатлительности ни когда бы не могла возникнуть специфическая болгарская множественность партій, размѣръ которыхъ нерѣдко не больше грецкаго орѣха. Только помня этотъ печальный "законъ" болгарской политической жизни, можно по справедливости оцѣнить, какую тяжкую задачу взвалили на себя тѣ, кто прямо и откровенно выставили на своихъ знаменахъ лозунгъ сговора, соглашенія, широкаго объединенія.

И не разъ шевелилось сомнѣніе, дѣйствительно ли освободились проповѣдники объединенія отъ богомильства въ политикѣ, отъ пафоса раскола, отъ болѣзненной страсти къ разъединенію?

Борьба Демократическаго Сговора есть борьба съ нѣкоторыми основными особенностями политической психологіи народа, не только политическое дѣйствіе, но и актъ душевнаго самоопредѣленія.

Немало имѣется такихъ, кто съ жадной радостью отмѣчаютъ всякій случай недоразумѣній въ средѣ "сговористовъ", но объективно надобно признать, что четырехлѣтняя, почти, исторія новаго политическаго образованія рѣдко давала политическимъ старовѣрамъ поводъ радоваться. Опасность кризиса отчетливо обозначилась при смѣнѣ кабинета проф. Цанкова. Многое давало поводъ думать, что это — начало конца.. Традиціонныя болгарскія партіи, тѣ, для кого самый фактъ существованія Демократическаго Сговора — живой укоръ, уже били въ литавры и поздравляли другъ друга съ возвращеніемъ политической жизни страны въ "нормально - историческое русло".

Однако, страхъ однихъ и нескрываемая радость другихъ, оказались тогда преждевременными.

Прошелъ ровно годъ съ момента реальной угрозы единству сговора. И вотъ снова налицо тревожные симптомы. Ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, но ихъ нельзя и замалчивать.

Парламентъ скоро заканчиваетъ законный срокъ своего существованія и близятся выборы. Эта близость выборовъ вызываетъ судорожныя движенія болгарскихъ политическихъ партій, которыя двоятся (соціалисты), троятся (нац.-либералы, земледѣльцы) и сочетаются въ самыхъ неожиданныхъ и противоестественныхъ комбинаціяхъ.

И властвующая партія уплатила свою, такъ сказать, дань болгарской традиціи. И Сговоръ порадовалъ своихъ враговъ и встревожилъ своихъ друзей симптомами внутренняго раздора. Давно говорятъ, что имѣется группа "сговористовъ", возглавляемыхъ б. министромъ - предсѣдателемъ, которая опасается, что проведеніе законодательныхъ выборовъ г. Ляпчевымъ можетъ ослабить властвующую нынѣ партію. Эта группа хотѣла бы, чтобы министръ - предсѣдатель передалъ управляемое имъ министерство внутреннихъ дѣлъ человѣку, болѣе обезпечивающему успѣхъ избирательной кампаніи. Насколько это утвержденіе соотвѣтствуетъ истинѣ, трудно сказать, но имѣются косвенныя ему подтвержденія. Такъ, недавно въ одномъ интервью г Цанковъ подчеркнулъ что существующій кабинетъ министровъ нуждается въ освѣженіи, каковой выпадъ г. Ляпчевъ парировалъ заявленіемъ передъ журналистомъ, что какъ онъ, такъ и всѣ его коллеги чувствуютъ себя совершенно неуставшими и ни въ какомъ "освѣженіи" не нуждаются.

Эта газетная пикировка имѣла, однако, болѣе существенное продолженіе. Министръ финасовъ нынѣшняго правительства, проф. Молловъ, въ публичной рѣчи въ гор. Варнѣ счелъ возможнымъ сдѣлать заявленія, бросающія тѣнь на бывшій кабинетъ г. Цанкова, въ смыслѣ излишняго увлеченія въ борьбѣ съ коммунистически - земледѣльческимъ движеніемъ.

Кому на потребу подобныя заявленія? Есть ли это контръ - атака близкаго къ г. Ляпчеву министра противъ требованій группы Цанкова? Имѣемъ ли мы дѣло съ индивидуальной несдержанностью въ выраженіяхъ? Трудно сказать. Во всякомъ случаѣ эта рѣчь имѣла громкій резонансъ. Всѣ бывшіе министры кабинета Цанкова въ отдѣльности протестовали противъ рѣчи г. Моллова и обратились съ просьбой созвать парламентскую фракцію "Сговора" для обсужденія инцидента. Народное собраніе пришло въ движеніе и заволновалось. Былъ моментъ, когда казалось, что своего рода "раритетъ" болгарскаго парламентаризма — парламентъ, просуществовавшій почти полный свой срокъ, будетъ до времени распущенъ! Такъ именно истолковывали аудіенцію г. Ляпчева у Царя; министръ-президентъ, якобы, просилъ у Царя полномочій на роспускъ парламента.

Инцидентъ какъ то разсосался: г. Молловъ сдѣлалъ заявленіе въ печати, что онъ былъ превратно понятъ, и подчеркнулъ свое уваженіе къ своимъ предшественникамъ. Г. Ляпчевъ не созвалъ парламентской фракціи.

Окончательно изжитъ инцидентъ или разрѣшеніе его лишь отсрочено? Недоразумѣніе передъ нами, или сознательный тактическій пріемъ? Будущее дастъ отвѣтъ на эти недоумѣнные вопросы. Но если отвѣты будутъ въ духѣ богомильской ереси, то друзья Болгаріи этому не порадуются, а враги могутъ зажигать плошки на улицахъ и устраивать иллюминацію.

Н. Николаевскій

„Комиссія по ликвидаціи студенческой безграмотности"

Проектъ организаціи такого единственнаго въ мірѣ учрежденія выдвигаетъ журналъ «Красное Студенчество». Придумано даже и новое безобразное названіе: «Лик-студ-без». Студентъ Рябчевъ, авторъ проекта, приводитъ образцы новой орфографіи современныхъ красныхъ студентовъ. Они пишутъ: «севодня, лутше, ращет, купатся» и т. д.

«Вечерняя Москва» (№34) резонно замѣчаетъ: «Есть болѣзни, о которыхъ, какъ извѣстно, говорятъ: это не позоръ, а несчастье! Съ безграмотностью дѣло обстоитъ совершенно иначе: — это не несчастье, а именно позоръ! Никакой Лик-студ-без не поможетъ горю».

Фактъ все же остается: послѣ 10-лѣтнихъ трудовъ по ликвидаціи неграмотности, коммунисты докатились до необходимости бороться съ безграмотностью... краснаго студенчества.

Въ Совѣтской Россіи

ГОРОДА МАЛОРОССІИ

Въ "Правдѣ" напечатана телеграмма ТАСС-а о первыхъ итогахъ переписи на Украинѣ. Въ 41 окружномъ центрѣ насчитывается 2.992.489 чел. Всего имѣется 15 городовъ съ населеніемъ свыше 50.000 6 городовъ съ населеніемъ свыше 100.000 и 3 города (Харьковъ, Кіевъ, Одесса) съ населеніемъ свыше 400.000 чел. Наибольшій ростъ населенія отмѣчается въ Харьковѣ и Юзовкѣ. Въ послѣдней населеніе выросло преимущественно за счетъ быстрой индустріализаціи района, въ Харьковѣ — за счетъ перевода сюда столицы. Въ Харьковѣ на 409.505 жит. насчитывается 69.091 квартира, т. е. немногимъ менѣе 6 человѣкъ на квартиру. Въ Одессѣ на квартиру приходится въ среднемъ 4 съ пол. человѣка.

БЕЗЪ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНІЯ

«Правда» (24 февраля) сообщаетъ: на Харьковской электрической станціи произошла очередная аварія съ турбиной, доставленной въ Харьковъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Константинополя. Электроснабженіе города, благодаря этой аваріи, находится подъ угрозой. Положеніе пока спасаютъ электростанціи мѣстныхъ крупныхъ заводовъ.

ЛИКВИДАЦІЯ МОНАСТЫРЯ

«Красная Газета» сообщаетъ, что Александро - Свирскій монастырь переданъ подъ сельско - хозяйственную колонію.

УБІЙЦЫ — КОМСОМОЛЬЦЫ

Въ «Правдѣ» (24 февраля) читаемъ: «Въ Немской вол. Жолинского у. Вятской губ. выстрѣломъ изъ револьвера убитъ предсѣдатель волисполкома членъ партіи Вологдинъ. Убійцы — два комсомольца — активиста задержаны. Причина убійства — стремленіе скрыть денежныя злоупотребленія, совершенныя убійцами».

ЧТО ТАКОЕ СОВѢТСКАЯ МОЛДАВІЯ

Въ «Извѣстіяхъ» сообщается, что въ пленумѣ Центральной Контрольной комиссіи коммунистической партіи Украины былъ разсмотрѣнъ вопросъ о практическихъ результатахъ проведенія режима экономіи на Украинѣ. Здѣсь было установлено, что «при ЦИК-ѣ и Совнаркомѣ Молдавіи насчитывается 114 комиссій, изъ нихъ многія не работаютъ. Аппаратъ Народнаго комиссаріата соціальнаго обезпеченія Молдавіи обходится въ 11.000 рублей, въ то время, какъ выхлопотать пенсіи инваліду удается лишь послѣ хлопотъ въ теченіе года».

УГРОЗА НАВОДНЕНІЯ

«Правда» сообщаетъ, что въ результатѣ поздняго осенняго ледохода и заторможенія съ заторами, Двина промерзла мѣстами до дна. Съ наступленіемъ ледохода Устюгу и выше лежащимъ деревнямъ грозитъ большое наводненіе.

Наводненіе угрожаетъ также Харькову, вслѣдствіе большихъ массъ снѣга и необычайной толщины льда.

ПЕРЕВЫБОРЫ ВЪ СОВѢТЫ

КАКЪ ОТНОСЯТСЯ РАБОЧІЕ КЪ ПЕРЕВЫБОРАМЪ

"Правда" (24 февраля) печатаетъ корреспонденцію изъ Харькова, въ которой сообщается, что Политбюро украинской коммунистической партіи вынесло спеціальное постановленіе по поводу наблюдающейся пассивности на перевыборахъ рабочихъ. Окружнымъ партійнымъ комитетамъ предписано обратить вниманіе на поднятіе активности избирателей въ городахъ. Въ связи съ этимъ начало перевыборовъ въ Харьковѣ отложено до 7 марта, причемъ наканунѣ состоится большая демонстрація съ цѣлью мобилизаціи избирателей и недопущенія абсентеизма на выборахъ. Въ день перевыборовъ работа на предпріятіяхъ будетъ закончена на часъ раньше обыкновеннаго.

Эти мѣропріятія вызваны фактомъ уклоненія рабочихъ отъ участія на перевыборныхъ собраніяхъ. Здѣсь же сообщается, что на паровозныхъ мастерскихъ изъ 1.800 рабочихъ на собраніе явилось около 600 человѣкъ и изъ нихъ половина разошлась до окончанія собранія. Въ ж. д. депо "Октябрь" изъ 1.100 рабочихъ на собраніе явилось 250 человѣкъ и до конца осталось всего 100 человѣкъ.

НА ПЕРЕВЫБОРАХЪ СОВѢТОВЪ

"Правда" (24 февраля) сообщаетъ, что "Старо - ивановскіе кулаки (Валуйскій уѣз., Воронежская губ.), лишенные избирательныхъ правъ, запугиваютъ членовъ избиркомовъ. Такъ, предсѣдатель политическаго просвѣтительнаго комитета, получилъ слѣдующую анонимку: "За лишеніе насъ права голоса, уходи съ хутора, пока ноги цѣлы".

"Въ с. Купли Конобеевской вол. (Сасовскій уѣз. Рязанской губ.) избирательная комиссія предоставила избирательныя права крупнымъ торговцамъ".

ИСТЯЗАНІЕ КУЛЬТУРОЙ

ИЗЪ ПИСЕМЪ СОВ. ХУДОЖНИКА НА РОДИНУ

Въ журналѣ «Новый Леф», «журналѣ лѣваго фронта искусствъ», напечатана статья: «Родченко въ Парижѣ». Здѣсь приводятся слѣдующія выдержки изъ переписки этого Родченко изъ-за границы съ его московскими друзьями.

«... Уже купилъ воротничковъ двѣ штуки и галстукъ. Сталъ похожъ чортъ знаетъ на кого. Женщины совсѣмъ сзади ходятъ обтянутыя. Подробнѣе напишу изъ Берлина».

«... Трудно безъ французскаго языка. Жалѣю, что не взялъ бритвы. Въ Германіи пріемникъ съ лампой стоитъ 36 марокъ, т. е. 9 руб.

«Въ 9 ч. вечера обѣдалъ и пилъ настоящее шабли. И дѣйствительно, во рту остается вкусъ винограда. Очень вкусно. Въ ресторанѣ спрашиваю блюда, гдѣ написано «бефъ». Значитъ, будетъ мясо, а то дадутъ такой гадости, вродѣ коровьяго г...».

«Я сталъ совсѣмъ западникомъ, хожу въ чистомъ, каждый день бреюсь, все время моюсь. Здѣсь совсѣмъ по другому приходится жить.

«Идіоты, какъ они не поймутъ, почему Востокъ цѣннѣе Запада, почему они его тоже любятъ и хочется имъ бѣжать изъ этого шумливаго бумажнаго Парижа на Востокъ.

«Я хожу въ шляпѣ, какъ идіотъ, и на меня перестали обращать вниманіе.

«Моюсь я здѣсь безъ конца, потому что вода въ комнатѣ и горячая и холодная.

«Интересно, что француженки очень мало красятся и не очень шикарно одѣваются. Многія совсѣмъ не крашеныя. Это наши пріѣзжія перефранцузятъ...

«Не люблю я этихъ сыровъ «бри» и «рокфоръ», а отъ устрицъ, которыхъ жрутъ другіе, меня тошнитъ.

«Выкрасили павильонъ, какъ я раскрасилъ проектъ: красный, сѣрый и бѣлый. Вышелъ замѣчательно, и никто ни слова, что это я, а совѣты спрашиваютъ, какъ всюду, меня.

«Гранъ Палэ, — шесть комнатъ, весь подборъ цвѣтовъ мой, а опять обо мнѣ молчатъ.

«Фидлеру я раскрасилъ ателье-кино. Проектъ вышелъ замѣчательный. Мы натворимъ дѣловъ».

Всѣ эти выдержки приводитъ извѣстный совѣтскій критикъ Вячеславъ Полонскій въ «Извѣстіяхъ».

По новымъ странамъ

ИНОСТРАННЫЕ РУССКІЕ. — ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНІЯ ИХЪ. — НА ВОКЗАЛѢ. — БЛИЗОСТЬ ГРАНИЦЫ. — АССИМИЛЯЦІЯ. — ФРАНЦУЗСКОЕ ЭМИГРАНТСТВО. — КОГДА?

Въ одной изъ своихъ статей я затронулъ вопросъ, который здѣсь, въ странѣ, пограничной съ Совѣтской Россіей, получаетъ особое значеніе. Мнѣ хочется къ нему вернуться, потому что жизнь здѣсь ежедневно сталкиваетъ васъ съ этимъ вопросомъ.

Начнемъ хотя бы съ того, что центральной фигурой русской жизни въ Латвіи является не эмигрантъ и даже не русскій по происхожденію, Архіепископъ Рижскій Іоаннъ. Уже это одно обстоятельство не даетъ возможности расцѣсти особой русской непримиримости.

Вездѣ, и среди чиновниковъ, и среди военныхъ, вы встрѣчаете гражданъ Латвіи русскаго происхожденія. Часто это объясняется очень просто. Очень много русскихъ, постоянно жившихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, очутились въ независимой Латвіи у себя дома. Перемѣнилась обстановка и укладъ жизни, но домъ остался тотъ же. Они стали механически латвійцами. Я уже не говорю о Латгаліи, гдѣ очень значительный процентъ русскаго населенія (150.000 великороссовъ и 215.000 бѣлоруссовъ). Эти русскіе и бѣлорусскіе крестьяне не могли не стать латвійцами. Есть и другіе русскіе туземцы-помѣщики, бывшіе чиновники, свыкшіеся съ краемъ, торговцы. Для большинства ихъ переходъ былъ мало замѣтенъ.

Но есть и эмигранты, для которыхъ переходъ въ гражданство былъ нѣсколько затрудненъ. Среди нихъ есть и русскіе латвійцы, и русскіе нансенисты, какъ ихъ называютъ по паспорту.

Этихъ послѣднихъ становится все меньше съ каждымъ днемъ. Латвійское гражданство даетъ слишкомъ много преимуществъ, открываетъ дверь службы въ правительственныхъ учрежденіяхъ и арміи, даетъ защиту. Этого мы совершенно лишены. Пресловутый благодѣтель нашъ Нансенъ ровно ничего, кромѣ лишняго налога, намъ не далъ, и каждый день мы чувствуемъ всю прелесть его заботы о насъ.

Но есть и другія причины этого перехода отъ стараго русскаго паспорта къ новому. Во-первыхъ, это — желаніе быть осѣдлымъ, а не вѣчнымъ странникомъ. Хочется успокоиться, закрѣпиться и если ждать (а ждутъ всѣ, и новые граждане, и эмигранты), то ждать спокойно и не нервно.

Мы же живемъ, если не какъ на полустанкѣ, то какъ на большой узловой станціи или въ порту въ ожиданіи парохода. Силимъ на своемъ утломъ багажѣ и нервно вздрагиваемъ, когда швейцаръ возглашаетъ, куда идетъ слѣдующій поѣздъ, и опять затихаемъ. Нѣтъ, еще не намъ.

Появится дымокъ на горизонтѣ, мы бѣжимъ на пристань и спрашиваемъ: не нашъ ли пароходъ? Нѣтъ, все еще не нашъ. Для насъ нѣтъ расписанія, и мы ждемъ, почти не «раскладываясь».

Это входитъ въ привычку и часто мы объ этомъ забываемъ, и этотъ вокзалъ и этотъ портъ кажутся намъ чѣмъ-то привычнымъ и обыденнымъ. Осѣдлая эмиграція устала отъ этого и закрѣпляется на мѣстахъ.

Объясняется это не только усталостью отъ кочевой жизни и преимуществами осѣдлой жизни, но и близостью къ родинѣ. Пограничная полоса какъ бы приближаетъ вожделѣнное время возвращенія къ себѣ. Отсюда какъ-то виднѣе Россія, и многіе думаютъ, что труба Архангела о воскресеніи родины скорѣе донесется до тѣхъ, кто живетъ на пограничной землѣ.

Поэтому-то, можетъ быть, во Франціи нѣтъ такого желанія среди эмигрантовъ стать гражданами ея. Тамъ «закрѣпленіе» какъ бы отдаляетъ отъ Россіи, здѣсь приближаетъ.

Съ этой точки зрѣнія надо разсматривать осѣдлую русскую эмиграцію и не дѣлать различія между русскими — разныхъ государствъ и вовсе безъ гражданства.

«Откроется» Россія, и не только русскіе потекутъ въ нее, но и сосѣдей будетъ манить ея воскресеніе.

Мнѣ не представляется вѣроятнымъ, чтобы русскіе люди могли ассимилироваться въ чужихъ странахъ.

Конечно, у насъ есть примѣръ французской эмиграціи (и гугенотской и роялистской), потерявшей связь со своей родиной. Въ русскихъ войскахъ, не говоря о Бурбонахъ и Наполеонѣ (все же оставшихся французами) можно было встрѣтить имена Жираръ де Сукантонъ, де Вилье де Лиль Адамъ, Шапронъ дю Ларе, людей совершенно русскихъ.

Командиромъ германскаго корпуса, стоявшаго на нашей границѣ въ 1914 году былъ ген. von François. Я видѣлъ этого типичнаго сухого нѣмецкаго генерала въ Тильзитѣ, за мѣсяцъ до войны. Въ Кобленцѣ стояла (не знаю, стоитъ ли еще) гранитная глыба съ французскими надписями. На одной сторонѣ французскій военначальникъ оповѣщалъ о томъ, что отсюда двинулась великая армія Наполеона на завоеваніе Россіи (à la conquette de la Russie). Помѣчена она была 1812 годомъ. На другой сторонѣ была ироническая надпись: «vu et approuvé par nous» (далѣе слѣдовала фамилія генерала, — я ее забылъ, кажется, де Ламберъ) — нами, генераломъ, командующимъ русской дивизіей. 1814 годъ».

Этого не можетъ случиться въ средѣ русской эмиграціи, хотя бы потому, что и относятся къ намъ не такъ, какъ русское правительство относилось къ эмигрантамъ французской революціи. Можетъ, пройдетъ еще много лѣтъ и все-таки русскіе генералы не будутъ командовать французскими, нѣмецкими, чешскими и даже сербскими дивизіями и едва ли какая-нибудь страна, кромѣ Россіи, могла имѣть своего герцога Ришелье и Ришельевскую улицу въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ Россіи.

Не можетъ этого быть въ средѣ русской эмиграціи и потому, что чувство ожиданія, а этотъ постоянный вопросъ «когда», слишкомъ властенъ въ нашихъ сердцахъ.

***

Я дописываю эту статью въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ (не думайте, что я въ СССР). Вокругъ паркъ лѣсъ. Пріѣхалъ я сюда въ легкій морозецъ, по которому мы пріѣхали съ моимъ милымъ хозяиномъ въ одноконныхъ санкахъ, раскатывавшихся на поворотахъ, нырявшихъ за маленькой лошадкой по ухабамъ.

Все кругомъ бѣлое-бѣлое, какъ сѣдина и поэтому грустное, вѣрнѣе, меланхоличное. То направо, на налѣво по холмамъ идутъ небольшіе лѣса, убранные инеемъ. Мы идемъ зимней дорогой по замерзшимъ болотамъ. Обгоняемъ сани, мужикъ въ зимнемъ зипунѣ идетъ рядомъ съ ними и здоровается. По околицѣ, кажущейся необитаемой деревни, мы въ послѣдній разъ пересѣкаемъ извилистой дорогой болотце и въѣзжаемъ въ господскую запущенную усадьбу.

Какъ жутко мнѣ входить въ темную переднюю и съ лампой итти въ «мою» комнату! Какъ странно было сидѣть за чаемъ подъ лампой, какъ шекочутъ сердце полугромкіе разговоры въ коридорѣ, чьи-то голоса, звонъ посуды и трескъ дровъ въ печкѣ.

Сюда, въ эти края пріѣзжаютъ художники Богдановъ-Бѣльскій и Виноградовъ. Что пишутъ они? То, что я вижу, и то, что чувствуешь съ сжиманіемъ сердца.

Развѣ мы не въ нѣкоторомъ царствѣ — въ нѣкоторомъ государствѣ?

Жоготы. 16. 2. 27. **Бор. Суворинъ**

Бѣлая лошадь

РАЗСКАЗЪ

Пошевеливая вожжами, землемѣръ разсѣянно слушалъ ладный топотъ копытъ по гладкой августовской дорогѣ.

Еще свѣтло было, и дорога, убѣгавшая на востокъ, казалась фіолетовой.

Землемѣръ смотрѣлъ вдаль, гдѣ поля замыкались линіей чугунки, курилъ и пріятно пьянѣлъ отъ несвязныхъ пѣвучихъ мыслей.

Уже по осеннему пусто и сиротливо было въ поляхъ. Сиротливо дремали на кочкахъ кроткіе хохлатые жаворонки. Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло откуда-то дымкомъ... И землемѣръ съ пѣвучей грустью смотрѣлъ на сѣроватыя поля, надъ которыми уже рѣялъ чуть серебристый и, какъ всегда въ засуху, разсѣянный лунный свѣтъ.

— Любопытно, однако, знать, — подумалъ онъ, — что это со мною сегодня? Чего это я такъ разболтался и болѣзненно развеселился у Стоцкаго? Положимъ, не былъ дома уже двѣ недѣли, усталъ, какъ собака, дѣлъ передѣлалъ кучу... Можетъ быть, отъ водки? Но много ли было выпито? Сушій вздоръ, двѣ-три рюмки... Что же въ такомъ случаѣ?

Лошади стали: шлагбаумъ на переѣздѣ черезъ линію былъ опущенъ, — нужно было слѣзать и стучать въ будку.

Спокойный, безцвѣтный свѣтъ запада еще отражался въ окнѣ будки, и будка показалась землемѣру необитаемой, почти страшной съ этимъ тусклымъ блескомъ стеколъ и тишиной вокругъ.

— Переѣзжать ли? — подумалъ онъ.

Можно было переѣхать тутъ и держать путь на Егорьево, на Каменку... Можно и возлѣ слѣдующей будки: тогда дорога пойдетъ по опушкѣ Дубровки, а потомъ по глухимъ лугамъ на Ястребиный Колодецъ...

И землемѣръ остановился въ нерѣшительности.

Но послышался ровный, медленный скрипъ телѣги. И, взглянувъ направо, землемѣръ увидалъ въ легкомъ лунномъ сіяніи большую бѣлую лошадь, — старую, сѣдловатую, въ гречкѣ, съ отвислыми губами. Черепъ ея былъ огроменъ; пукъ соломы, засунутый подъ узду, дико торчалъ возлѣ праваго полуприкрытаго глаза.

— Куды прешь! — крикнулъ землемѣръ, замахиваясь кнутовищемъ.

Но лошадь и ухомъ не повела. Звонко хрипя отъ запала, она прошла возлѣ самаго его плеча, а за нею показалась скрипучая телѣга, пахнущая дегтемъ и рогожей. Лохматый рыжій мужикъ, въ распоясанной красной рубахѣ, лежалъ въ телѣгѣ внизъ лицомъ.

— Эй, дядя! — шутливо крикнулъ землемѣръ, дрогнувшимъ голосомъ. — А померъ?

Но мужикъ не поднялъ головы, не отозвался на крикъ.

И землемѣръ, уже не раздумывая, ударилъ правой вожжой. Телѣжка чуть не перевернулась отъ крутого поворота и шибко покатила возлѣ линіи, за которой неясно серебрилось надъ полями лунное сіяніе.

Попрежнему, на душѣ было и хорошо, и грустно, и тревожно... Все благополучно, все слава Богу, но чего-то не достаетъ... людей, можетъ быть, жилья, пріятеля... Хотѣлось пѣть, разсказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же, наконецъ, будетъ на томъ свѣтѣ что-нибудь или нѣтъ? Райскія яблочки и черти въ неугасимомъ пламени, конечно, вздоръ Но вѣдь вздоръ и полное исчезновеніе. Зачѣмъ родился? Зачѣмъ росъ, любилъ, страдалъ, восхищался? Зачѣмъ такъ жадно думалъ о Богѣ, о смерти, о жизни?

— Зачѣмъ, позвольте васъ спросить? — сказалъ землемѣръ вслухъ.

Существовать на томъ свѣтѣ и въ теперешнемъ видѣ онъ, конечно, не будетъ. Ибо, если онъ будетъ существовать, значитъ, и эти лошади будутъ существовать... и миріады миріадъ всѣхъ прочихъ лошадей, звѣрей, птицъ, жучковъ, несмѣтныхъ мошекъ... Но и безслѣдно исчезнуть онъ не можетъ. Онъ этому никогда не вѣрилъ. Истомленъ заботами, работой, частыми припадками удушья, а жить, сохранить себя хочетъ жадно. И поминутно трепещетъ за свою жизнь, во всемъ чуетъ тайну, враждебность... Лунный свѣтъ въ пустынныхъ поляхъ, тишина, темный камень вдали, коренникъ, который вдругъ насторожитъ уши, — все страшно. Днемъ, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью — страшно.

— Это какъ васильки, — подумалъ землемѣръ: — Днемъ синіе, а погляди вечеромъ, при лампѣ, — лиловые.

— Пи-пи-пи — тонко и хищно зазвучало вдругъ гдѣ-то вверху, въ разсѣянномъ лунномъ свѣтѣ.

Землемѣръ оглянулся, увидалъ поле, телеграфные столбы, тусклый блескъ, бѣгущій навстрѣчу ему по рельсамъ, — и на душѣ стало еще тревожнѣе. Этотъ пискъ, пискъ кобчика или совки, затерявшійся въ лунномъ свѣтѣ, напомнилъ ему, что безмолвный, мертвый вечеръ кончился, что въ поляхъ начинается таинственная ночная жизнь. Кроткіе хохлатые жаворонки, проводящіе свои послѣдніе дни въ осиротѣвшей степи, теперь спятъ. Но зато проснулись и на всю ночь будутъ съ жалкимъ пискомъ голода гоняться другъ за другомъ всѣ эти мелкіе и крупные хищники, дремавшіе днемъ на телеграфныхъ проводахъ, таившіеся во рвахъ и на лѣсныхъ опушкахъ. Позѣвывая, выползла изъ своей норы въ каменистомъ оврагѣ лисица, вышла на лунный свѣтъ и осторожно потянула поскату, поводя пушистымъ хвостомъ... Зеленымъ фосфоромъ вспыхнули волчьи глаза въ дубовомъ кустарникѣ... И, представивъ себѣ страшную красоту этихъ глазъ, землемѣръ почувствовалъ приступъ жуткаго восторга.

Да, какъ жалко тявкаетъ лисица, если она худа, тоща, выгнана изъ своей норы болѣе сильнымъ звѣремъ, какимъ-нибудь когтистымъ барсукомъ! Какъ плаксиво и зло скулитъ соколокъ голодный! И какъ томно потягивается и оскаляется лисица сытая, съ густой лоснящейся шкурой! Какимъ звонкимъ и дерзкимъ смѣхомъ заливается этотъ тонкоголовый соколокъ, выбивши добычу у другого, слабаго! И при мысли обо всемъ этомъ, землемѣръ содрогнулся отъ сладострастной жути.

Опять лошади стали передъ будкой на переѣздѣ черезъ рельсы, и опять загородила дорогу перекладина шлагбаума.

Но на дворѣ уже ночь, блѣдная, сухая, лунная, и будка не похожа на первую. Эта, живая, привѣтливая, манитъ къ себѣ внутрь, гдѣ горитъ огонь и топится печь: видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно - оранжеваго пламени.

— Эй, добрые люди! — слабо крикнулъ землемѣръ, обрадованный жильемъ.

И тотчасъ же ожесточенно, захлебываясь залилась возлѣ лошадей лохматая шавка, и босая дѣвочка, скромненько и дѣловито подошла къ шлагбауму. Загремѣла цѣпь, и огромный журавль, медленно и плавно вырастая, потянулся головой къ небу.

— Ты будочникова, дѣвочка? — спросилъ землемѣръ ласково.

— Будочникова, — отвѣтила дѣвочка и, наклонивъ головку и мелко перебирая босыми ножками, пошла поднимать вторую перекладину шлагбаума, за которой лунный свѣтъ и пустынное жнивье сливались во что-то легкое, свѣтлое и серебристое, какъ далекое море.

— А что это у васъ, печь топится?

— Мать воду грѣетъ.

— Ай хлѣбы ставитъ?

— Нѣтъ, у насъ малый померъ.

Землемѣръ широко раскрылъ глаза.

— Какъ померъ? — сказалъ онъ тревожно. — Когда?

— Сейчасъ только.

— А великъ малый-то былъ?

— Седьмой мѣсяцъ пошелъ.

Землемѣръ облегченно вздохнулъ.

— Ну, ничего! — сказалъ онъ. — Мать еще родитъ.

— Да намъ его не жалко, — просто отвѣтила дѣвочка. — У насъ ихъ пятеро. Да еще одного недавно зарѣзало.

— Машиной?

— Машиной. Мать валяла пироги, а онъ выползъ изъ будки и заснулъ... Насъ судили за него, изъ могилы его откапывали, думали, что мы его нарочно положили.

Землемѣръ засмѣялся:

— Ахъ ты, злодѣйка этакая! Ну, прощай, спасибо за хлопоты!

— Часъ добрый, — сдержанно отвѣтила дѣвочка.

И лошади съ грохотомъ понесли телѣжку по деревянной настилкѣ къ тому свѣтлому и легкому, что было впереди, взяли немного вправо, и опять колеса, сорвавшись съ настилки, съ мягкимъ шорохомъ покатились по сухой ровной дорогѣ.

И опять мысли надолго затерялись въ однообразно-ладномъ стукѣ копытъ, который безстрастно слушало только блѣдное и все выше поднимавшееся лицо луны...

Литература, критика и искусство

О КНИГАХЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Изъ моей жизни. Моя юность. Памяти. Предисловіе и примѣчанія Н. С. Ашуркина. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ 1927. Стр. 150.

Валерій Брюсовъ представляетъ такую незаурядную фигуру среди литературной братіи послѣднихъ десятилѣтій, что воспоминанія его, только что опубликованныя въ Москвѣ, естественно должны привлечь вниманіе всѣхъ прикосновенныхъ къ литературѣ. Тѣ, однако, кто станутъ искать въ этихъ воспоминаніяхъ его мнѣній и впечатлѣній, какъ поэта и литератора, объ обстоятельствахъ и людяхъ эпохи расцвѣта его литературной дѣятельности — испытаютъ разочарованіе. Воспоминанія распадаются на два отдѣльныхъ фрагмента: «Моя юность» — дѣтскія и отроческія впечатлѣнія, литературно обработанныя (названныя даже «повѣстью») и «Памяти», являющіяся разрозненными записями о далекомъ прошломъ со словъ нѣкоторыхъ старцевъ.

«Моя юность» — до послѣднихъ предѣловъ интимна. Это своего рода исповѣдь. Выгодно отличается она отъ столь нашумѣвшей сейчасъ исповѣди Андрэ Жида (Si le Grain ne meurt) тѣмъ, что это не просто циническое самообнаженіе, прослоенное какой то морализующей словесной воркотней, на фонѣ которой открытое безстыдство — нужно сказать, неслыханное безстыдство! — признаній А. Жида пріобрѣтаетъ особую отвратность, а дѣйствительно нѣчто въ родѣ исповѣди. Чувствуется искренность — порою безпощадная — и присутствіе, въ какой то долѣ, того, что нѣмцы называютъ sittlicher Ernst. Конечно, какъ почти всегда, въ безпощадности ретроспективнаго самообнаженія и самобичеванія есть доля самолюбованія и какой то патологіи, но это не слишкомъ выпячиваетъ и не слишкомъ раздражаетъ.

Написаны воспоминанія живо и очень, конечно, эгоцентрично. Тѣмъ, кто лично зналъ Брюсова — я не изъ ихъ числа — они даютъ незамѣнимый матеріалъ для возстановленія его подлинной духовной физіономіи. Въ смыслѣ манеры письма и самого замысла замѣтно вліяніе «Дѣтства и Отрочества» Толстого. Есть несомнѣнно и вліяніе Руссо.

Несмотря на всю эгоцентричность воспоминаній, есть въ нихъ любопытный изобразительный матеріалъ — о предкахъ и родителяхъ Брюсова, особенно о дѣдѣ по матери, Бакулинѣ, доморощенномъ елецкомъ баснописцѣ, страстномъ любителѣ литературы, о школахъ, гдѣ учился Брюсовъ. Ярокъ одинъ штрихъ. Чуть ли не тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ Валерій отправляется на Тверскую въ поискахъ предосудительныхъ знакомствъ.. Отецъ пишетъ ему письмо, гдѣ говоритъ, что онъ не смѣетъ препятствовать свободѣ его поступковъ, но предупреждаетъ, что онъ можетъ попасть въ бѣду. «Сказался шестидесятникъ, нигилистъ», отмѣчаетъ Брюсовъ. Обликъ этого «шестидесятника» вообще довольно выразителенъ въ воспоминаніяхъ.

Любопытны нѣкоторыя странности языка. «Онъ властвовалъ гимназіей», говоритъ Брюсовъ объ одномъ учителѣ.

Въ «Памятяхъ» наиболѣе интересныя страницы (ихъ всего то одиннадцать!) посвящены Бартеневу и тому же дѣду Бакулину. Любопытенъ его разсказъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ, исполненный величайшаго піэтета. Бакулинъ боготворилъ поэта. Показателенъ разсказъ другого дѣда, костромского крестьянина, о смерти Николая I. «Пришелъ, разсказывалъ дѣдъ, братъ, сѣлъ на лавку, подозвалъ меня, велѣлъ говорить тихо и шопотомъ сказалъ: «Знаешь, Царь умеръ». «Мертвый Царь, замѣчаетъ Брюсовъ, еще внушаетъ такой ужасъ, что о смерти его не рѣшаются говорить иначе, какъ шопотомъ». Вообще, во всѣхъ этихъ короткихъ записяхъ чувствуется трогательная любовь Брюсова къ старинѣ и глубокое почтеніе къ ней, какой то эстетическій піэтетъ.

Послѣ Брюсова остались еще дневники, которые являются продолженіемъ «повѣсти». Они — въ извлеченіяхъ — появятся отдѣльнымъ выпускомъ. Для характеристики эпохи они, надо думать, дадутъ больше, чѣмъ «повѣсть», но для проникновенія въ тайну личности Брюсова и какъ замѣчательный въ своемъ родѣ человѣческій документъ, эта «повѣсть» представляетъ интересъ первостепенный.

К. Зайцевъ.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ СОВ. ЖИЗНИ

The Fourteen Thumbs of St. Peter by Joice Nankivell. (London 1926).

Странное сочетаніе фантазіи и дѣйствительности, вымысла и правды. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ три года тому назадъ, во время устроенной большевиками международной выставки. Повѣствованіе ведется въ первомъ лицѣ, и сначала, кажется, что передъ вами правдивый дневникъ молодой англичанки, посѣтившей Россію въ 23-мъ году. Только все усиливающаяся невѣроятность описываемыхъ событій понемногу убѣждаетъ въ томъ, что въ фактамъ примѣшивается большая доля фантазіи. Живѣе всего изображены тѣ стороны жизни, съ которыми автору, видимо, пришлось лично столкнуться, на примѣръ, жизнь въ зданіи иностранныхъ миссій для помощи голодающимъ. Члены этихъ миссій обрисованы въ нѣсколько ироническомъ свѣтѣ, большинство изъ нихъ представлено гораздо менѣе занятыми заботами о голодающихъ, нежели охраной собственныхъ интересовъ. За чайнымъ столомъ ведутся разговоры о томъ, гдѣ можно за безцѣнокъ пріобрѣсти хорошую вещь, и обсуждается, какъ подъ печатями миссіи вывезти добытое, такимъ образомъ, имущество заграницу: жалѣютъ о прошломъ, когда рынокъ былъ богатъ.

"То-то были дни", восклицаетъ сотрудница одной изъ миссій, "за кусокъ хлѣба, стоимостью въ нѣсколько центовъ, можно было достать на рынкѣ иконы, соболя, драгоцѣнные камни. Вся знать погибала тогда отъ голода. Теперь уже прошло время для того, что я называю выгодною сдѣлкой". Жизненно, хотя и безжалостно, обрисованы типы нѣсколькихъ отдѣльныхъ христіанскихъ работниковъ, напр., начальницы "Миссіи для Распредѣленія Пищи въ Голодающихъ Областяхъ", дѣятельно занятой распространеніемъ среди безграмотныхъ русскихъ бабъ научнаго трактата о преимуществахъ метода грудного вскармливанія младенцевъ.

Фабула зиждется, главнымъ образомъ, на предпринятой совѣтской властью антирелигіозной кампаніи, во главѣ которой стоитъ редакторъ *Безбожника*, еврей, извѣстный подъ именемъ Петра Павловича. Собранные имъ, путемъ изъятія изъ церковныхъ реликвій, 14 большихъ пальцевъ Св. Петра, которые должны явиться гвоздемъ атеистической секціи на предстоящей выставкѣ, внезапно пропадаютъ. Подозрѣніе въ кражѣ падаетъ на англичанина, якобы, спеціально прибывшаго изъ заграницы для борьбы противъ безбожниковъ.

Подъ подозрѣніемъ оказывается и героиня повѣсти, которую агенты ГПУ захватываютъ обманнымъ путемъ и привозятъ въ санаторію въ Горкахъ, гдѣ, какъ разъ въ это время умираетъ Ленинъ.

Благодаря содѣйствію американскаго секретаря Ленина, ей удается выбраться изъ рукъ чекистовъ и спасаясь отъ грозящей ей расправы, бѣжать заграницу.

Вся эта фантастичная сторона разсказа гораздо слабѣе бытовыхъ описаній, и авторъ, пожалуй, поступилъ бы умнѣе, если бы ограничился изданіемъ своихъ путевыхъ впечатлѣній и наблюденій, сдѣланныхъ во время пребыванія въ Москвѣ. Но даже и въ такомъ видѣ, книга не лишена интереса, во многомъ проявлена большая наблюдательность, а высказываемыя сужденія, нерѣдко оригинальны и забавны; подчасъ нелѣпымъ кажется сочетаніе на одной страницѣ абсурднаго съ трагическимъ.

"Боже мой, что за страна" — этимъ восклицаніемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, благополучно переступившаго за русскую границу, заканчивается книга.

И какъ съ нимъ не согласиться?

С. Волконская.

„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

КНИГА 29-я и 30-я.

Двѣ послѣднія книги "Современныхъ Записокъ" составлены по обыкновенію разнообразно и интересно. Въ литературномъ отдѣлѣ въ 29-ой книгѣ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить отрывки изъ книги "Воды многія" *Ив. Бунина*, и "Странное путешествіе" *Б. Зайцева*. О "Водахъ многихъ" я уже писалъ въ статьѣ о новомъ сборникѣ Бунина "Солнечный ударъ". Тема "Страннаго путешествія" Б. Зайцева — одинъ изъ безчисленныхъ кровавыхъ эпизодовъ жизни большевицкой Россіи. Разсказъ производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что написанъ въ поразительно спокойныхъ тонахъ, безъ всякаго надрыва. Самого автора не чувствуется: словно невидимая рука безстрастно рисуетъ потрясающую картину опустошеннаго края съ замерзшими фабриками, монастырями, съ озвѣрѣвшими людьми, съ лужами человѣческой крови на дорогахъ. А наряду съ этимъ блещетъ красотою весенняя природа, слышатся рѣчи о любви, о "голубой звѣздѣ", рѣчи прекраснаго человѣка, который "не къ нашимъ временамъ" и который полагаетъ душу свою за ближняго своего. Чувство мѣры во всемъ, мягкость красокъ, изящество разсказа — вотъ характерныя черты новаго произведенія Б. Зайцева.

"Корень жизни" *М. Щербакова* — кинематографическое произведеніе, съ худо жественной литературой связи почти не имѣющее. Какъ то странно видѣть его наряду съ произведеніями Бунина, Б. Зайцева, Алданова. Языкъ порою совершенно недопустимый: "черезъ *пару* секундъ", "къ ихъ столику подсѣла знакомая *шансонетка*", "погрузился на дребезжащего *извозца*" и т. п. Всѣ эти выраженія принадлежатъ самому автору, который, видимо, въ данномъ случаѣ, совсѣмъ не хотѣлъ быть юмористомъ. На страницахъ серьезнаго русскаго журнала образцы подобнаго жаргона недопустимы.

"Смерть Джона Хоппуса" г *Евангулова* тоже не имѣетъ отношенія къ художественной литературѣ, а языкъ иногда такъ же страненъ, какъ и въ разсказѣ г. Щербакова. Полюбилось, напримѣръ, г. Евангулову слово "взвой". Слово это отсутствуетъ въ русскихъ словаряхъ, но теоретически допустимо. Однако авторъ употребляетъ его въ совершенно невозможныхъ сочетаніяхъ: то это "рѣзкій, *почти человѣческій* взвой" собаки, то "неожиданно *нужный* взвой саксофона". Или: "пыряютъ ножами въ полицейскихъ". Конечно, *пырять* иногда значитъ *кидать* (пырять каменьями), но г. Евангуловъ подъ *пырять* разумѣетъ *колоть*, а по-русски въ такомъ случаѣ говорятъ: *пырять кого*, а не *пырять въ кого*. Хорошо было бы, если бы наши молодые писатели почаще вспоминали слова Тургенева: "Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками.... Обращайтесь *почтительно* съ этимъ могущественнымъ орудіемъ"...

Въ стихотвореніи *Дав. Кнута* — "гудить небытіе огромной тишиной", побѣдной трубѣ предлагается "гудѣть и ликовать о сладостномъ безсмысліи", послушный плотъ плыветъ "по струйкамъ нераз слышанныхъ журчаній" и т. п. Пора бы, наконецъ, понять, что "безсмыслія" иныхъ стиховъ никакъ не могутъ быть сладостными, являясь часто простымъ наборомъ словъ, прикрывающимъ поэтическую немощь.

Большой интересъ для любителей поэзіи представляетъ переводъ, сдѣланный *Ив. Тхоржевскимъ*, стиховъ персидскаго поэта XI вѣка Омаръ-Хайяма.

О незаконченномъ романѣ *Д. С. Мережковскаго* "Мессія" и отрывкахъ изъ романа *М. А. Алданова* "Заговоръ" говорить преждевременно.

Живо написаны воспоминанія *кн. С. Волконскаго* "Васильевскій островъ". Удивительно только, какъ авторъ допустилъ два недосмотра. Одинъ — фактическій: петербургскій университетскій праздникъ отнесенъ къ Татьянину дню. Другой — стилистическій: кн. С. Волконскій пишетъ: "Мать взяла насъ двоихъ старшихъ мальчиковъ съ собой. Было намъ *по шесть и семь лѣтъ*".

Обращаетъ на себя вниманіе рѣчь *В. А. Маклакова* "Русская культура и А. С. Пушкинъ", сказанная имъ въ день послѣдняго празднованія "Дня русской культуры" въ Парижѣ. Вотъ ея основная мысль: "Когда Россія излѣчится отъ большевицкаго гнета, станетъ сама собой, она не будетъ похожа на ту, въ которой мы жили; но и эта будущая и неизвѣстная Россія будетъ тѣсно связана со старой, вырастетъ изъ нея, какъ растеніе вырастаетъ изъ сѣмени. Если и мы тоже не разорвемъ съ этой *старой* Россіей, мы въ новой Россіи не окажемся иностранцами, и, несмотря на всѣ наши различія, мы *другъ друга* поймемъ. У насъ останутся съ ней общія исходныя точки, общія воспоминанія, радости и сожалѣнія."

Въ 30-ой книгѣ помѣщенъ разсказъ *И. С. Шмелева* "Исторія любовная", изображающая психологію первой любви. Разсказъ ведется въ реалистическихъ тонахъ. Хорошо въ немъ описаніе весны, полное сіянія, сверканія и блеска и изображеніе "тревожнаго ожиданія чего-то, неизъяснимо радостнаго, и непонятной грусти - тоски", неизбѣжныхъ спутниковъ юной души, испытывающей на себѣ власть первыхъ движеній любви. Читатель, можетъ быть, подмѣтитъ своего рода разнобой, нѣкоторую невыдержанность въ психологіи и рѣчахъ 15-лѣтняго гимназиста, но авторъ, вѣроятно, этимъ хотѣлъ подчеркнуть обычный характеръ чувствъ и выраженій ихъ у подростковъ.

Разсказъ *Бор. Зайцева* "Автотья - смерть" надо отнести къ лучшимъ произведеніямъ автора. Ярко противоположеніе міра страданій, жестокости, грубости и самоотверженной любви, нѣжности, человѣчности. Бор. Зайцевъ всегда умѣетъ найти даже въ душѣ озлобленной и, казалось бы, окончательно погрязшей въ мути жизни, проблески Божьяго начала. Трогателенъ на фонѣ большевицкаго мрака образъ "барыни" Лизы, любовью своей ос вѣщающей и освящающей жизнь и смерть. Сильное впечатлѣніе производитъ конецъ разсказа, гдѣ въ видѣніи, въ мистической картинѣ, появляются погибающей среди метели Авдотьи ея умершіе близкіе, берутъ ее подъ руки и *куда-то* ведутъ. Смиренный и вмѣстѣ облегченный возгласъ: "Господи, заступи и спаси!" является полнымъ глубокаго смысла заключительнымъ аккордомъ этого прекраснаго разсказа.

Недурны стихи *Николая Оцупа* и очень интересна "Лирическая поэма" *Нины Бербаровой*, въ которой звучность стиховъ соединяется съ напряженностью лирическаго чувства и съ оригинальностью замысла. Это — настоящая поэзія.

"Сѣверныя Афины" *А. М. Ремизова* написаны съ большимъ юморомъ, прекраснымъ, богатымъ народными элементами языкомъ. Это — воспоминанія изъ времени ссыльной жизни автора въ Вологдѣ, съ великолѣпными характеристиками отдѣльныхъ лицъ и изображеніемъ быта ссыльныхъ.

Тревога сэра Чемберлена

Рис. Mad-a.

— *Ради Бога, осторожно, товарищъ: у Джона въ боковомъ карманѣ находится англо-совѣтскій торговый договоръ, и вы можете испортить его вашимъ ножомъ.*

Талантлива и звучна статья *В. Ходасевича* на тему "Глуповатость поэзіи" ("поэзія, прости Господи, должна быть глуповата" — Пушкинъ).

Изъ остального матеріала особенно нужно отмѣтить блестящую по формѣ и насыщенную научнымъ содержаніемъ статью *М. И. Ростовцева* "Самниты".

Н. Кульманъ

НОВОЕ О ВОЙНѢ

Редакціей « Revue d'histoire de la guerre mondiale » получено отъ французскаго посла въ Константинополѣ сенатора Бомпара слѣдующее письмо, которое будетъ напечатано въ ближайшемъ № журнала: «Я прочелъ въ вашемъ журналѣ первую часть работы проф. Б. Шацкаго о Константинополѣ и Проливахъ. Много мѣстъ этого труда, прекрасно разработаннаго, вызываютъ размышленія съ моей стороны. Сейчасъ я ограничиваюсь тѣмъ чтобы дать нѣкоторыя детали относительно выступленія, охарактеризованнаго проф. Шацкимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «... когда Турція одностороннимъ актомъ объявила объ отмѣнѣ капитуляцій, единовременный протестъ центральныхъ и союзныхъ державъ былъ сдѣланъ черезъ посредство итальянскаго посла, представителя нейтральной державы». Вотъ какъ произошло это событіе въ точности.

Когда въ Турціи возникали факты, угрожающіе интересамъ Европы, послы великихъ державъ собирались у старшаго изъ нихъ для обсужденія общей линіи поведенія. Эти собранія, разумѣется, прекратились съ момента объявленія войны. Но 8 сентября 1914 г. меня на набережной остановили марк. Паллавичини (австрійскій посолъ), который былъ нашимъ старѣйшиной и горячо заявилъ мнѣ: «Знаете ли вы, что турки имѣютъ намѣреніе отмѣнить капитуляціи?» — «Я, дѣйствительно, узналъ, — отвѣтилъ я, — что великій визирь намѣренъ насъ объ этомъ извѣстить». — «Это недопустимо» — отвѣтилъ онъ: — «мы не можемъ дозволить подобной вещи. Желаете ли вы, чтобы я собралъ васъ съ тремя нашими коллегами у себя, чтобы условиться относительно редакціи общаго протеста въ отвѣтъ на это заявленіе?» — «Что думаетъ объ этомъ вашъ германскій коллега?» — «Онъ возмущенъ. Онъ только что меня покинулъ, и это онъ просилъ меня созвать наше собраніе». — Я отвѣтилъ марк. Паллавичини: «Созывъ дипломатическаго корпуса въ данный моментъ не отвѣчаетъ европейскому положенію, но каждый изъ насъ, дѣйствуя отдѣльно, можетъ написать великому визирю письмо протеста, и разъ оно будетъ составлено въ одинаковыхъ выраженіяхъ, то его эффектъ будетъ равенъ коллективному протесту».

Затѣмъ г. Бомпаръ составилъ письмо, текстъ котораго былъ утвержденъ англійскимъ и русскимъ послами и черезъ посредство итальянскаго посла, съ небольшими редакціонными измѣненіями, принятъ германскимъ и австрійскимъ послами. На слѣдующій день всѣ послы получили извѣщеніе визиря объ отмѣнѣ капитуляцій, а еще черезъ день великій визирь получилъ черезъ драгомановъ пять протестующихъ писемъ, причемъ не безъ удивленія констатировалъ, что они составлены въ одинаковыхъ выраженіяхъ.. Кромѣ того, германскій посолъ поѣхалъ къ великому визирю лично и заявилъ ему со своей обычной рѣзкостью устный протестъ. Онъ дошелъ даже до угрозы, въ случаѣ неотмѣны этой мѣры, разорвать союзъ, заключенный 2 августа между Турціей и Германіей.

БИБЛІОТЕКА ВИКТОРА ГЮГО

Въ ближайшее время въ Парижѣ будетъ продаваться съ аукціона библіотека Жоржа Гюго, въ составъ которой входитъ много книгъ, принадлежавшихъ Виктору Гюго. Между прочимъ, среди этихъ книгъ имѣется книга Луи Наполеона Бонапарта «О прошломъ и будущемъ артиллеріи» съ собственноручной надписью: «Виктору Гюго, въ знакъ высокаго уваженія и искренней симпатіи». Эта любезность по адресу Виктора Гюго, не помѣшала Луи Наполеону, сдѣлавшись вскорѣ императоромъ, выслать Гюго изъ Франціи.

НОВЫЯ КНИГИ

Отъ справочно - библіографическаго отдѣла кн. магазина Я. Поволоцкій и К-о. въ Парижѣ поступили въ редакцію «ВОЗРОЖДЕНІЯ» слѣдующія книги:

De musica. Временникъ исторіи и теоріи музыки. Гос.-Издат. Ист. Иск. вып. 1 1925 г.

И. Соколовъ - Микитовъ. Чижикова лавра. Разсказы Гос.-Изд. 1927., стр 274.

Валерій Брюсовъ. Изъ моей жизни. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1927 стр. 150.

—Просто все это у меня къ перемѣнѣ погоды, — подумалъ землемѣръ, подбадривая себя и продолжая думать о причинахъ своего безпокойства.

Но теперь, когда осталось сзади послѣднее жилье, бодрыя слова уже и совсѣмъ не помогали. Глаза жадно всматривались въ даль... Что это на томъ дальнемъ косогорѣ, за лощиной, въ свѣтлой дымкѣ? Что-то длинное, темное, зубчатое... Стѣна, остатки жилья? Нѣтъ, просто забытая въ полѣ копна... За ней опять косогоръ и опять лужокъ, выходящій на голую долину, серебристо - туманную подъ луной... Но что это тамъ темнѣетъ, двигается? Волкъ?

Землемѣръ вставилъ два пальца въ ротъ, рѣзко свистнулъ и натянулъ вожжи. Постромки пристяжной обвисли, коренникъ насторожилъ уши и пошелъ тише.... Ѣдко и пріятно запахло лошадинымъ потомъ.. Что-то темное, двигавшееся на косогорѣ, блестящемъ отъ озими, подняло голову... Стало страшно...

Но прошло нѣсколько минутъ — и по чему-то тупому, что было въ приближающейся фигурѣ, землемѣръ узналъ, что это теленокъ... Вѣрно, пѣгій, съ бѣлыми рѣсницами, глупый...

Есть что-то глухое, дикое въ этихъ осеннихъ безпризорныхъ скитаніяхъ телятъ. По цѣлымъ недѣлямъ бродятъ они въ поляхъ, дичаютъ, пріобщаются къ таинственной жизни звѣрей и хищныхъ птицъ.

— А свиньи! — подумалъ землемѣръ. — Черные упрямые борова, съ туго завернутыми винтами хвостиковъ! Тѣ совсѣмъ отбиваются осенью отъ дому, Богъ знаетъ, куда уходятъ по лугамъ и косогорамъ... Роютъ подъ кустами, по пригоркамъ, что-то выкапываютъ, чавкаютъ и прутъ дальше, повиливая крѣпкой тушей...

Мелькала серебристая полынь вдоль дороги, проходили темныя равнины пашенъ, полосы радужно-зеленыхъ озимей, тускло поблескивали подковы пристяжной, женственно отвернувшей голову отъ коренника... Гордо несъ голову сильный коренникъ, шедшій дробной рысью... Землемѣру хотѣлось курить, надоѣло сидѣть... Волнуясь все болѣе при мысли о томъ сильномъ, безпощадномъ, таинственномъ, что окружало его со всѣхъ сторонъ и точно вызывало на состязаніе, онъ все безпокойнѣе ждалъ чего-то, а внутренній голосъ все настойчивѣе говорилъ, что ожиданія не напрасны. И, какъ бы подтверждая это, коренникъ вдругъ фыркнулъ. Землемѣръ вздрогнулъ и увидалъ, что онъ идетъ съ чутко и строго поднятыми ушами, съ какою-то преувеличенной бодростью, почти съ наглостью.

Ознобъ пошелъ по всему тѣлу землемѣра. Чтобы поскорѣе увидать то, что должно увидать, онъ откинулся влѣво и пристально взглянулъ впередъ. Впереди то же, что и было: пустое поле и лунное сіяніе. Но поле это идетъ слегка подъ изволокъ, дальше опять повышается — и замыкается темной, высокой и такой дивной въ лунномъ свѣтѣ стѣной Дубровки.

Вотъ она приближается, темнѣетъ, и уже хорошо видна огромная тѣнь, падающая отъ ея стѣны на поле... Доносится легкая лѣсная свѣжесть вмѣстѣ съ сухимъ и душистымъ тепломъ дуба... А вотъ роща и совсѣмъ близко — и тѣнь стала рѣзче, лунный свѣтъ ярче, роща подъ луною чернѣе, выше, величавѣе... Еще минута — и телѣжка уже въ тѣни, катится по гладкой дорогѣ вдоль опушки... И далеко видны свѣтлыя поляны среди живописныхъ старыхъ дубовъ въ сказочно-прекрасной глубинѣ рощи.

— Ахъ, хорошо — съ жуткимъ восхищеніемъ хотѣлъ сказать землемѣръ — и вдругъ замеръ съ широко открытыми глазами:

Изъ глубины рощи легко и быстро, прямо на него, неслась большая бѣлая лошадь.

— Неужели та самая, что съ звонкимъ крипомъ прошла давеча возлѣ будки?

Сладострастный трепетъ ужаса еще разъ колючимъ холодомъ прошелъ отъ корней волосъ по всему тѣлу, — и землемѣръ крѣпко напрягъ зрѣніе, чтобы получше разглядѣть шибко летѣвшую къ нему лошадь.

Но уже ясно было, что не та.

Медленно тащила скрипучую телѣгу бѣлая кобыла, встрѣтившаяся возлѣ будки. Годы, тяжкая работа, неволя, сдѣлали ее страшной, костлявой, тупой, тяжелой. Эта же шла бодро, чисто, едва касаясь земли. И такъ гордо и граціозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, сильна, ни одного дня не знала упряжи.

Но въ этомъ-то и былъ ужасъ. И ошеломленный землемѣръ съ размаху рванулъ вожжи.

Коренникъ высоко задралъ морду и заплясалъ, пристяжная со всего разбѣга осѣла на заднія ноги. Но тутъ бѣлая лошадь, какъ перышко, перенеслась черезъ канаву возлѣ опушки и вся выскочила на ея высокій валъ. И увидавъ ее, коренникъ дико всхрапнулъ, пристяжная такъ шарахнулась къ оглоблѣ, что она треснула — и телѣжка вихремъ, вприпрыжку понеслась по пашнѣ. Землемѣръ, не помня себя, вскочилъ на ноги, въ два взмаха замоталъ на руки вожжи и, откинувшись назадъ, изо всей силы рванулъ къ себѣ лѣвую вожжу. И коренникъ, мотая головою отъ удилъ, раздиравшихъ ему челюсти, понесъ обратно на дорогу.

Бѣлая лошадь, выскочившая на валъ, казалась литой изъ серебра. Какъ только колеса телѣжки стукнулись объ дорогу, она тотчасъ же спрыгнула съ вала, дала телѣжкѣ мелькнуть мимо себя, — землемѣръ близко видѣлъ ея прекрасные блестящіе человѣчьи глаза, — и весело понеслась за ней.

— Грабятъ! — крикнулъ землемѣръ альтомъ и бросилъ вожжи.

Точно сорвало послѣдніе дубки рощи — и опять въ глаза грянуло широкое пустое поле и неясный лунный свѣтъ надъ нимъ. Землемѣръ обернулся и увидѣлъ, что и лошадь уже въ полѣ — несется за телѣжкой по сѣрой дорогѣ. Только поблѣднѣла немного, какъ поблѣднѣлъ въ полѣ и самый лунный свѣтъ.

— Съ нами крестная сила! — пробормоталъ землемѣръ, съ трудомъ переводя свистящее дыханіе, опять натягивая вожжи, и опять оглянулся.

Увы, и бѣлая лошадь пошла тише!

— Ну, протворюсь, что мнѣ все равно, — рѣшилъ землемѣръ отчаянно и погналъ пару подъ изволокъ, въ безконечный Ястребиный Лугъ.

Мелкая безыменная рѣчка поблескивала и бѣжала по лугу, — настолько мелкая и прозрачная, что можно было считать подъ водой бѣлые камни днища. Какъ чешуя рыбы, поблескивала она подъ луною, и на диво печаленъ и прекрасенъ былъ подъ луной каменистый и пустынный лугъ. Но любоваться было не время. Нужно было зорко править, чтобы не вылетѣть на выбоинахъ спуска, нужно было ловко повернуть на полной рыси вправо, а потомъ перескочить въ бродъ. Но лошади и сами понимали дѣло — цѣпко пронеслась пристяжная по узкой тропкѣ косогора, какъ разъ во-время вильнулъ коренникъ и увѣренно кинулся въ рѣчку... Колеса съ шумомъ заклубились въ серебрѣ и алмазахъ, глухо застучали по размытымъ бѣлымъ камнямъ...

— Глянуть, ай нѣтъ? — подумалъ землемѣръ. — Нѣтъ, не надо!

И тотчасъ же оглянулся — и чуть не вскрикнулъ: бѣлая лошадь опять была въ двухъ шагахъ отъ него, надъ рѣчкой, на самомъ краю оставшагося сзади берега.

— Пропалъ я! — съ радостнымъ отчаяніемъ подумалъ землемѣръ и, закрывъ глаза, опять ударилъ по коренному вожжами.

И черезъ минуту грохотъ колесъ по рѣчнымъ камнямъ сразу оборвался — и блестя мокрыми шинами, ровно покатились они по мелкому щебню прибережья въ смутную, слегка сизую даль безконечнаго луга. Не выдержавъ, землемѣръ опять взглянулъ назадъ — и, къ великому удивленію своему, бѣлой лошади уже не увидалъ. Глянулъ влѣво, глянулъ вправо, на прозрачную воду, бѣгущую по бѣлымъ камнямъ, потомъ опять назадъ... Только широкій лугъ, весь, какъ свѣтлымъ дымомъ, напоенный луннымъ сіяніемъ! Но зато сзади, на дрогахъ телѣжки, скрестивъ длинныя, тонкія ноги въ разбитыхъ лаптяхъ и повернувъ къ землемѣру беззубое лицо, наполовину освѣщенное луною, сидитъ и смотритъ круглыми глазами нищенка. И землемѣръ, увидавъ ее, ляскнулъ зубами и сипло засмѣялся безсмысленнымъ смѣхомъ.

— Хороша! — сказалъ онъ. — Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

— Молчишь? — сказалъ землемѣръ. — Значитъ, правда?

Нищенка молчала и смотрѣла ему въ лицо неподвижными глазами.

— Нашла съ кѣмъ шутки шутить! — сказалъ землемѣръ горько. — Или мало тебѣ, что ты и такъ всю жизнь издѣвалась надо мной?

И вдругъ почувствовалъ такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнулъ кнутовищемъ. Сладкія слезы злобы сдавили ему горло, но, какъ только онъ взмахнулъ кнутовищемъ, старуха точно растаяла въ воздухѣ: только опять зазвенѣлъ гдѣ-то въ небѣ тонкій и радостно-хищный смѣхъ какой-то ночной птицы:

— Пи-пи-пи-пи!

И, замирая, затерялся вдали.

Землемѣръ пришелъ въ себя и медленно перекрестился.

1907-1927 г. **Ив. Бунинъ**